

Из статьи "О жизни и сочинениях А. С. Грибоедова"

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников

Серия литературных мемуаров

Под общей редакцией: В. Э. Вацуро (редактор тома), Н. К. Гея, С. А. Макашина, А. С. Мясникова, В. Н. Орлова

М., "Художественная литература", 1980

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

<...> Я имел большое наслаждение знать и видеть Грибоедова довольно часто, именно в то время его жизни (по приезду Грибоедова в марте 1828 года в Петербург). Где же взять мне свидетельств вернее собственного наблюдения! Опишу свое знакомство с Грибоедовым, которое было непродолжительно, однако ж довольно замечательно для человека, тогда еще юноши по летам и по чувствам; тем живее были мои впечатления, и я мог заметить много любопытных черт его характера и ума, черт, которые, может быть, ускользали от самых искренних его друзей единственно потому, что уже не были для них новостью, не поражали их, казались им слишком обыкновенными.

Я жил в Петербурге несколько месяцев, точно как заезжий путешественник: был знаком со многими литераторами, осматривал музеи, библиотеки, наблюдал нравы города, обычаи общества, состояние искусств – словом, посвящал все свое время знакомству с Петербургом. Как обрадовался я, когда П. П. Свиньин, приглашая меня к себе на обед, сказал, что у него будет Грибоедов, только что приехавший из Грузии. Буду, буду непременно! В назначенный день (помню, что было на пасхе) я нашел у гостеприимного Павла Петровича много людей замечательных {1}. Кроме нескольких знатных особ, приятелей его, тут был, можно сказать, цвет нашей литературы: И. А. Крылов, Пушкин, Грибоедов... и другие. Грибоедов явился вместе с Пушкиным {2}, который уважал его как нельзя больше и за несколько дней сказал мне о нем: "Это один из самых умных людей в России. Любопытно послушать его". Можно судить, с каким напряженным вниманием наблюдал я Грибоедова! Но, на первый раз, он обманул мои ожидания. Он был в каком-то недовольстве, в каком-то раздражении (казалось мне) и посреди общих разговоров отпускал только острые слова. За столом разговор завязался о персиянах, что было очень естественно в обществе Грибоедова, который знал персиян во всех отношениях, еще недавно расстался с ними и готовился опять к ним ехать. Он так живо и ловко описывал некоторые их обычаи, что Н. И. Греч очень кстати сказал при том, указывая на него: "Monsieur est trop persant (persan)" {Господин слишком проницателен (слишком персиянин) (фр.)}. Признаюсь, молодой ум мой ожидал от Грибоедова чего-то другого. "Где же скрывается глубина этого человека?" – думал я, не зная, что в большом обществе он был всегда таков, да и кто же не будет таков, особенно подозревая, что на него смотрят как на что-то особенное и ожидают чего-нибудь необыкновенного? Ривароль находился однажды в таком положении и начал, как говорится, рубить сплеча все, что попадалось в разговоре. Собеседники его изумились. Грибоедов сделал почти то же, потому что в одинаковом случае положение человека, известного умом, всегда одинаково. Вечером, когда кружок друзей стал теснее, Грибоедов был гораздо мягче и с самою доброю готовностью читал наизусть отрывок из своей трагедии "Грузинская ночь", которую сочинял тогда.

Через несколько дней мне опять случилось обедать с ним у Н. И. Греча. Входя в комнату, я увидел Грибоедова за фортепиано: он аккомпанировал известному Този {3} (у которого тогда еще был голос) и какому-то другому итальянцу. Дуэт кончился, и Грибоедов был окружен многими из своих знакомых, которые вошли во время его игры и не хотели прерывать музыки приветствиями к нему. С какою добротою, с какою искренностью обходился он со старыми знакомыми! Тут почувствовал я, как мог быть пленителен этот человек. Некоторые поздравляли его с успехами по службе и почестями, о чем ярко напоминали бриллианты, украшавшие грудь поэта. Другие желали знать, как он провел время в Персии. "Я там состарился, – отвечал Грибоедов, – не только загорел, почернел, почти лишился волос на голове, но и в душе не чувствую прежней молодости!" В словах его точно виден был какой-то грустный отзыв. За столом Грибоедов почти не вмешивался в литературные суждения, какие излагали двое или трое из собеседников, теперь уже покойных – мир памяти их! Он чувствовал себя нездоровым и уехал вскоре после обеда.

Второе свидание с Грибоедовым оставило во мне впечатление более